

Сегодня очередь готовить была за второй невесткой, Госпожой Хун. Она с пониманием взяла ребрышки у Госпожи Тун и, под ее пристальным взглядом, разрешила их пополам. Одну половину посолила и положила в фарфоровую миску, которую убрала в шкаф, а вторую половину разделила еще на две части. Одну часть вместе с костью бросила в большую кастрюлю, чтобы начать варить, а вторую часть оставила для приготовления на пару, когда суп будет почти готов.

Закончив с этим, Госпожа Хун, видя, что до обеда еще есть время, оставила старшую дочь Чжун Юнь следить за огнем, а сама занялась другими делами. Госпожа Тун не ушла, а села у входа в кухню, штюкая халат Дедушки Чжун, время от времени поглядывая на плиту, чтобы прожорливые девчонки не стащили что-нибудь.

Хотя этот метод не выглядел элегантно, он был очень эффективен — ни одна невестка или служанка не смогла украсть еду у нее под носом. Госпожа Тун сама прошла через это, поэтому знала, что творится в головах у других. Она не была слишком строгой, только во время приготовления мясных блюд следила внимательно, в остальное время, если все было не слишком очевидно, закрывала глаза.

Количество еды на каждый прием пищи было строго рассчитано, и любое воровство сразу бросалось в глаза. Госпожа Тун все прекрасно понимала. Пока они не дошли до голода, она не следила слишком строго. Но если бы ситуация ухудшилась, пришлось бы быть бдительной.

Чжун Цинжань лежал с закрытыми глазами, внимательно прислушиваясь к происходящему снаружи. Его мысли были в беспорядке, и боль в левой ноге не могла отвлечь его от размышлений.

Только что в комнате было не меньше десятка людей, и большинство из них были женщинами и детьми, видимо, семья действительно была большой. До сих пор он не понимал, что произошло. Он помнил, как вместе с машиной сорвался с обочины, шансов выжить было мало, так почему же он очнулся не в больнице, а в старинной комнате?

Возможно, больное тело не выдержало нагрузку на мозг, и Чжун Цинжань неохотно погрузился в сон.

Сон его был беспокойным, перед глазами мелькали сцены перед аварией, перемежающиеся фрагментами воспоминаний другого человека, и он проснулся еще до обеда. Открыв глаза, он увидел маленькие руки, которые выжимали тряпку и вытирали его лоб.

— Третий брат, ты весь в поту, садись, я тебя вытру, — Чжун Цин забралась на кровать, откинула одеяло и потянулась к поясу Чжун Цинжаня.

Чжун Цинжань поспешил остановить девочку, на его ноге был закреплен шина, и он не мог двигаться, поэтому медленно сел.

— Третий брат, ты так медленно, может, я сама?

— Я справлюсь, ты слезай с кровати, потом поможешь мне с тряпкой, — мысли Чжун Цинжаня были в беспорядке, и его руки двигались медленно.

Теперь он начал понимать свое положение: он перенесся в несуществующую в истории династию Великая Чжоу. К сожалению, воспоминания прошлого владельца тела были слишком фрагментарны, он усвоил только самые яркие моменты, остальное ушло вместе с прежним хозяином.

К счастью, из этих фрагментов Чжун Цинжань смог понять характер прежнего владельца, и в чем-то он был похож на него самого. Прежний хозяин тоже звался Чжун Цинжань, что избавило его от необходимости менять имя.

Прежний Чжун Цинжань был двенадцатилетним мальчиком, любимцем бабушки и дедушки. Кроме того, что он был немного эгоистичным и ленивым, у него не было серьезных недостатков, что можно считать большой удачей.

Что касается падения с горы и долгого ожидания помощи, Чжун Цинжань нахмурился, здесь было о чем задуматься.

Гора Лу находилась в нескольких ли от деревни Хэвань, и обычно туда никто не ходил. Сейчас, в период между урожаями, многие поднимались в гору за дикорастущими растениями и грибами. Но прежний Чжун Цинжань отправился вглубь горы, и он был не один — все девчонки из семьи, которые могли ходить, пошли с ним. Однако в тот день как раз была очередь старшей ветви готовить, и две сестры Чжун Цинжаня остались дома помогать.

Чжун Цинжань один развлекался в горах, а его кузины разбрелись. Может быть, они были далеко и не слышали его криков, а может быть... Точных деталей Чжун Цинжань не знал, но подозрения у него были — ведь прежний хозяин ударился головой и долго звал на помощь, пока не потерял сознание. Если бы помощь пришла вовремя, возможно, он бы не умер.

Сам Чжун Цинжань тоже ценил свою жизнь, но если бы судьба решила забрать ее, он бы не жалел.

Он вырос с бабушкой и дедушкой, а став взрослым, работал иллюстратором, чтобы быть рядом с ними. Перед аварией его бабушка и дедушка уже ушли из жизни, а родители, разведясь, создали новые семьи, и он был им не нужен.

Попав в семью Чжун в эпоху Великой Чжоу, он чувствовал себя свободным. Вспомнив Дедушку и Госпожу Тун, которые стояли у его кровати, Чжун Цинжань почувствовал тепло — они были похожи на его умерших бабушку и дедушку, и их забота была искренней. Если бы не это, он бы, вероятно, потерял голову и мог бы натворить бед.

— Третий брат, ты весь вспотел, бабушка позвала врача, он сказал, что все в порядке. Ты крепко спал, и он велел чаще вытирать пот, — Чжун Цин смотрела на Чжун Цинжаня своими большими глазами, вытирая ему грудь, не обращая внимания на приличия — восьмилетней девочке это было неважно.

Чжун Цинжань передел рубашку, а нижнее белье оставил — врач перед наложением шины сменил его, и теперь, пока шина не будет снята, менять его можно будет только во время перевязки. К счастью, погода была не жаркой, и можно было потерпеть.

— Четвертая сестра, папа дома? Мне нужно в туалет.

— Папа и дяди ушли, я позову бабушку, — Чжун Цин побежала, ее маленький пучок волос болтался, готовый рассыпаться при каждом шаге.

— Дедушка, третий брат хочет встать.

— Четвертая, бабушка сейчас придет, — Дедушка Чжун весь день сидел в комнате, размышляя, но, услышав, что внук зовет его, сразу оживился.

Чжун Цинжань, с поврежденной ногой, не мог выходить из комнаты, и ему приходилось справлять нужду в комнате, что было неловко для взрослого человека, привыкшего к самостоятельности.

— Дедушка, когда снимут шину?

— Твоя нога сломана не сильно, шину снимут через месяц, но рана на голове была обработана поздно, и ты вскоре после возвращения домой начал лихорадить, температура спала только сегодня утром. Это было опаснее, чем перелом, бабушка всю ночь волновалась, если бы...

Чжун Цинжань понял, о чем он не договорил: даже в современных условиях высокая температура могла привести к серьезным последствиям, не говоря уже о древности.

— Дедушка, прости, что заставил вас с бабушкой волноваться, впредь буду осторожнее.

Дедушка Чжун с удовлетворением кивнул, собираясь добавить еще несколько наставлений, как из двери раздался звонкий голос Чжун Цин:

— Дедушка, обед готов, бабушка зовет тебя в главную комнату.

— Цинжань, ты поешь здесь, бабушка скоро принесет тебе еду. Впредь не будь таким озорным.

— Хорошо, дедушка.

Дедушка Чжун, видя, как внук сегодня послушен, должен был бы радоваться, но, подумав о произошедшем, не мог чувствовать себя счастливым. Он предпочел бы, чтобы внук был здоров, даже если бы был непоседой.

Как только Дедушка Чжун вышел, Госпожа Тун вошла в комнату.

— Внучек, сегодня на обед будут ребрышки, чтобы ты поправился. Вчера ты потерял много крови.

— Бабушка, я сам справлюсь, вы целое утро трудились, идите обедать.

— Хорошо, хорошо, Цинжань такой заботливый, бабушка сейчас пойдет.

Госпожа Тун ушла, и в комнате остался только Чжун Цинжань. На столе перед ним лежала небольшая тарелка с пареными ребрышками, порция неизвестного овоща, миска супа с редькой и костью и два пшеничных булочки. Такой обед в деревне считался очень хорошим, но он не знал, было ли это специальным лечебным питанием или их семья жила так хорошо.

Воспоминания прежнего хозяина на этот счет были смутными, но, учитывая его болезнь, обычная еда, вероятно, была не такой изысканной. Чжун Цинжань утром съел миску рисовой каши, боль в ноге приходила и уходила, и голова тоже слегка болела, поэтому аппетит был невелик. Но чтобы не обидеть дедушку и бабушку и быстрее поправиться, он терпеливо ел, стараясь съесть как можно больше.